

18+

Валерий Железнов

ДВАЖДЫ О ЛЮБВИ

Валерий Железнов

ДВАЖДЫ О ЛЮБВИ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58120938

ISBN 9785005145086

Аннотация

В книгу вошли две совершенно разные повести. Повесть «Человек» – это историческая фантазия, в которой автор высказал своё видение евангельской темы. Повесть «Николь» рассказывает о человеке, который сомневается в своей гендерной принадлежности. Он проходит нелёгкое испытание, прежде чем сделать выбор.

Содержание

Человек	5
Часть первая	6
РОЖДЕНИЕ	6
Легионер	6
Иосиф	14
Мария	18
Захария и Елисавета	21
Зачатый во грехе	25
Рождённый в любви	34
Первое бегство	40
Часть вторая	49
ЖИЗНЬ	49
Матфан	49
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Дважды о любви

Валерий Железнов

© Валерий Железнов, 2020

ISBN 978-5-0051-4508-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Человек

С раннего детства меня не приучили верить в какого бы то ни было бога, и поэтому я не жду от него подачек. Но если он есть, я благодарен ему за то, что позволил мне достичь всего самому.

(В. Железнов)

Часть первая

РОЖДЕНИЕ

- 1. Авраам родил Исаака;
Исаак родил Иакова;
Иаков родил Иуду и братьев его...
15. Елиуд родил Елеазара;
Елеазар родил Матфана;
Матфан родил Иакова;
16. Иаков родил Иосифа, мужа Марии...
(От Матфея, глава 1)¹*

Легионер

- 22. А всё сие произошло,
да сбудется речённое Господом...
(От Матфея, глава 1)*

¹ В текст вставлены цитаты или перефразированные отрывки из Библии, Корана, Торы, а так же в работе над повестью использованы: Евангелие Л. Н. Толстого, «Вавилонский талмуд», «Анналы» Тацита, «Иудейские древности» Флавия, «Истории Иешу бар Пандиры», «Правдивое слово» Цельса, «Письма Плиния к Траяну», «Книга Урантии», «Сказание Фомы, израильского философа, о детстве Христа».

Пандира Крапс как последняя дворняга бездомная при-
могнулся у опоры моста через ров, окружающий лагерь.

...

Ещё недавно он чувствовал себя прекрасно. С десятком своих триариев² Пандира был отпущен в увольнение. Весело проведя время в городских злочных местах, они отправились в обратный путь, намереваясь успеть до захода Солнца. Слегка пошатываясь, компания шумно двигалась по улицам Назарета. Командир отстал, прислонившись к каменной ограде. Обильное возлияние заставило его остановиться. Суровый ветеран не привык стесняться окружающих, и, с видимым удовольствием, справлял малую нужду прямо на виду у прохожих. Добропорядочные горожане осуждали такое поведение, но возмущаться открыто не решались. Связываться с пьяным легионером было опасно.

– Командир, море вышло из берегов, – пошутил один из солдат, – давай быстрее, мы ждём тебя.

– Шутник! – съязвил пьяный командир беззлобно.

И в этот момент взгляд его зацепился за огромные карие глаза на лице миловидной девушки, вышедшей из переулка. Галилейские женщины не прятали своих лиц. Закон не вменял им это в обязанность. Созерцать их красоту мог каждый мужчина.

– Эй, милашка, как звать тебя, красавица? – позвал легионер, затягивая шнурок своих штанов.

² Триарии – тяжёлые пехотинцы римского легиона.

Но девушка игнорировала вопрос, перебежав на другую сторону улицы.

– Куда ты, пташка, подожди!

– Командир, брось ты это, опаздываем, – крикнул один из компании солдат.

– Идите, я догоню, – приказал он им и шагнул за девушкой.

– Да ну его, – махнул рукой другой солдат, и пьяная компания, затянув песню, продолжила свой путь.

...

Время увольнения давно закончилось, но декана³ четвёртой центурии⁴ первой когорты⁵ XXII легиона⁶ «Дейотариана» это совершенно не огорчало. Он чувствовал себя великолепно. «Зачем думать о предстоящих неприятностях, когда так хорошо сейчас?» – думалось ему. По дороге в лагерь он часто прикладывался к кувшину вина, купленному у позднего торговца на окраине города, и, страшно фальшивя, орал весёлую непристойную песенку. Долгожданное увольнение прошло на славу. Такого удовольствия солдат давно не получал. Сегодня он наградил себя сполна.

С заходом Солнца шестнадцатого хешвана⁷ тессерарий⁸

³ Декан – командир десяти солдат.

⁴ Центурия – подразделение из ста солдат.

⁵ Когорта – подразделение из шести центурий.

⁶ Легион обычно состоял из десяти когорт.

⁷ Хешван – третий осенний месяц.

сменил пароли, и часовые не впустили загулявшего легионера, несмотря на то, что узнали его в темноте при свете факелов. Пока хмель не выветрился из высоколобой головы Пандиры, он обрушивал потоки брани на солдат, охранявших южные ворота. На шум примчался тессерарий Сулий. Старший поста доложил ему о происшествии.

– К воротам не подпускать, – распорядился офицер, – пусть до утра болтается за рвом. Утром я доложу опциону, они там решат, что с ним делать. Не живётся спокойно этому вояке!

С тем Сулий и удалился в свою палатку.

– Я не могу впустить тебя, Пандира, – крикнул в темноту старший поста, – это распоряжение тессерария. Ночуй за рвом до утра, а потом с тобой будет разбираться центурион. Отойди подальше и заткнись.

– Ах ты, пёсий выкидыш! Дерьмо козье! Доберусь я до тебя, лизоблюд!

В ответ на голову декана опрокинулось ведро холодной воды. Это слегка отрезвило буяна. Он отбежал на внешнюю сторону моста и остановился в замешательстве. Но все его сомнения развеяла стрела, вонзившаяся у ног.

– Дальше этой стрелы не заходи, – раздался приказ из-за стены лагеря, – следующая достанется тебе.

Пандира даже в пьяном угаре понял, что здесь шутить

⁸ Тессерарий – один из младших офицеров, отвечавший за расстановку постов охранения и смену паролей, заместитель опциона.

с ним никто не собирается. Одно дело – погибнуть в сражении за величие Рима и императора, а совсем иное, как презренному воришке сдохнуть от римской стрелы у ворот своего же лагеря. Конечно, это унижительно ночевать за территорией лагеря, будто солдат из подразделения, подвергнувшегося децимации⁹, но и нарываться на дополнительные неприятности не хотелось. И так провинился. Центурион¹⁰ не потерпит опоздания. Наказание будет неминуемо.

В Галилее осенние ночи не совсем подходят для ночёвки под открытым небом. Теперь он сжался в комок под мостом, клацая зубами в промокшей одежде. Забывался на время в коротком сне, и снова вздрагивал от крика. Этот крик каждый раз обрывал один и тот же сладкий сон.

Атласная кожа, нежная девичья грудь с розовыми небольшими сосками приближалась к его лицу. И в последний момент, когда оставалось только прикоснуться губами к этому сокровищу, душераздирающий звериный крик прерывал чудное видение.

Прошедший день и особенно первая половина ночи доставили ему огромное удовольствие, а вот рваный сон не предвещал ничего приятного в грядущем.

– Пандира, ты пьяная скотина! – Ругался центурион Руф,

⁹ Децимация – казнь каждого десятого воина в подразделении, бежавшем с поля боя. Такое подразделение потом располагалось за территорией лагеря до полного искупления своей вины.

¹⁰ Центурион – командир центурии. Центурион первой центурии первой когорты считался старшим из центурионов легиона.

а за его спиной ухмылялся опцион¹¹ Пакций. – Почему твои солдаты вернулись из Назарета без тебя? Как ты посмел опоздать к смене паролей? Отвечай!

– Мой центурион, меня задержали в городе неотложные дела, – отчеканил легионер, вытянувшись в струнку, и глядя прямо в глаза своему командиру.

– Что?! Эта смазливая еврейка – твои неотложные дела? Твои солдаты честнее тебя, они не утаили от меня ничего.

Пандира молчал, понимая, что оправдываться бесполезно.

– Ты будешь наказан! Но, помня твои заслуги перед легионом, я даю тебе возможность выбрать наказание. Месяц исправительных работ или кастигаццо¹² перед всей центурией. А может быть, сослать тебя во вспомогательную часть на пару лет? Правда для этого придётся побеспокоить префекта лагеря¹³. Ты хочешь, чтобы он узнал о тебе?

– Кастигаццо, мой центурион, – с готовностью ответил провинившийся декан.

Услышав этот ответ, Руф внутренне улыбнулся. Ему совсем не хотелось позорить ветерана за столь незначительное нарушение устава. Он знал Пандиру давно. Они вместе прошли Панонию и Антиохию. Этот солдат стоил сотни новобранцев, а потому в скором времени и должен был возвы-

¹¹ Опцион – помощник центуриона.

¹² Кастигаццо – телесное наказание.

¹³ Префект лагеря – офицерский чин третий по старшинству в легионе.

ситься до тессерария. Но теперь его карьера приостановится. Центурион одобрил выбор своего солдата. Он бы и сам предпочёл боль кастигаццо позору. Солдат не должен бояться даже смерти, а тем более боли. Позор для легионера страшнее смерти. Правда, публичная порка – тоже позор, но это минимальное наказание, которое мог дать центурион за данную провинность, а значит, и позор минимален. Если же наказуемый выдержит всё стойко, то это, скорее, будет его достоинством, нежели унижением.

– Раздеть и к столбу, – приказал центурион, обернувшись к опциону.

Когда Руф вышел из палатки, виновный в одних штанах был уже у столба, вокруг которого квадратом выстроилась вся центурия. Командир вошёл в центр построения, поигрывая своим витисом¹⁴. Многие из присутствовавших уже успели познакомиться с тяжестью этого символа власти. Жезл, сплетённый из виноградной лозы, периодически прохаживался по спинам и головам нерадивых воинов.

– Сладкое ли вино тебе подавали в Назарете? – шутя, спросил центурион, нанося первые удары.

– О да, мой центурион, – отвечал спокойно наказуемый.

– Ласкали тебя местные блудницы? – вкладывал в удары всё больше силы Руф.

– Ласкали, мой центурион, – преодолевая боль, говорил Пандира.

¹⁴ Витис – жезл, сплетённый из виноградной лозы, символ власти центуриона.

– Но тебе показалось недостаточно хмельных ласк? Тебя потянуло на свежатину?

– Вы правы, мой центурион, – улыбаясь уже через силу, произнёс легионер.

– И из-за своего поганого блюда ты нарушил устав, неблагодарная скотина? – требовал ответа командир.

– Нет мне пощады, мой центурион, – из последних сил крепился декан.

– Ну, она хоть дала тебе? Вкусна ли свежая плоть? – с усмешкой продолжал подтрунивать центурион.

– О, это было незабываемо! Я сорвал нераскрывшийся бутон розы, – скрипя зубами, ответил окровавленный Пандира.

– Молодец, легионер! – с видимым удовольствием провозгласил Руф, и со всей силы обрушил тридцать третий удар витисом.

Орудие наказания не выдержало и сломалось. Ноги истязуемого подогнулись, и обмякшее тело повисло на ремне.

– Всем в назидание! – Обратился центурион к своим солдатам. – Дисциплина превыше всего! – И бросил в сторону Пандиры, – отнесите его к лекарю.

НАЗАРЕТ

Иосиф

*19. Иосиф же муж Её, будучи праведен...
(От Матфея, глава 1)*

Эти огромные карие глаза поразили его с первого взгляда. Он замечал и раньше, что кто-то разглядывает его украдкой из-за занавеси окна, но в первый день не мог разглядеть этих удивительных глаз.

...

Плотника Иосифа нанял вполне состоятельный назаретянин Иоахим для пристройки флигеля к своему дому. Обе-

щал хорошо заплатить, если работа будет выполнена качественно и быстро. Поэтому Иосиф трудился на совесть. Отвлекаться от работы ему было некогда.

Молодой человек не был красавцем с богатырским телосложением, но загорелая кожа, под которой играли крепкие мышцы, плотно обтягивала жилистое ладно скроенное тело. Глубокие чёрные глаза на правильном лице указывали на природный ум и уравновешенный характер. Иосиф был иудеем из иудеев, хотя в нем было много нееврейской крови, время от времени вливавшейся в его генеалогическое дерево прародителями по женской линии. Предки отца Иосифа уходили своими корнями ко временам Авраама и через этого досточтимого патриарха – к еще более древним наследственным линиям, восходившим к шумерам и нодитам, а через южные племена древнего человека – к Андону и Фонте. Ни Давид, ни Соломон не были прямыми предками Иосифа, а его родословная не велась от Адама. Но одного из предков в шестом колене по отцовской линии усыновил прямой потомок легендарного царя некий Садок, и, по Закону, он тоже мог считаться его потомком. Непосредственные предшественники Иосифа были мастеровыми – строителями, плотниками, каменщиками и кузнецами. Иосиф был мягким и необычайно добросовестным человеком, во всех отношениях преданным религиозным обычаям и традициям своего народа. Он мало говорил, но много думал. В свои девятнадцать лет молодой плотник уже был вполне самостоя-

тельным умелым мастером.

Струйки пота стекали по смуглой коже, когда плотник ловко орудовал топором. Захотелось пить, и он попросил у хозяев воды.

– Хозяин, позволь воды напиться.

– Отнеси ему воды, – приказал Иоахим своей дочери.

Иосиф принял чашу из рук девушки, не сводя глаз с её лица. Она пыталась отвести взгляд, соблюдая приличие, но бездонная пропасть чёрных глаз приковывала. Они смотрели несколько мгновений друг на друга, забыв обо всём. Но оба были воспитаны в благопристойных иудейских семьях, и приличие взяло верх. Иосиф, выпив воду, вернул чашу с лёгким поклоном и поблагодарил девушку. Та, засмутившись, убежала в дом. Так произошло их первое знакомство.

Её звали Мария. Теперь она каждое утро отправлялась к источнику за свежей холодной водой, даже если в доме вода не требовалась. Плотник каждый день приходил на работу в дом Иоахима, и она с затаённой радостью подносила ему чашу свежей родниковой воды.

Когда флигель был закончен, хозяин удовлетворённо принял работу и сполна расплатился с мастером. Иосиф поблагодарил Иоахима за щедрое вознаграждение и, сильно смущаясь, попросил разрешения видиться с его дочерью.

– А ты, как я погляжу, времени даром не терял, – с деланной суровостью произнёс хозяин дома.

– Простите мне эту дерзость, уважаемый, но я серьёзно задумываюсь о женитьбе, – смиренно ответил плотник.

– Да ладно, видел я, как вы засматриваетесь друг на друга, – улыбнулся Иоахим, а потом погрозил пальцем, – но смотри, если что не так...

– Будьте уверены, уважаемый, я чту традиции, – серьёзно произнёс молодой человек и удалился с поклоном.

С тех пор Иосиф с замиранием сердца ожидал каждой новой встречи. Его душа трепетала от восторга при виде возлюбленной. Она отвечала ему искренней взаимностью. Но встречаться им доводилось не часто. Мастеру приходилось много работать, чтобы заработать на достойную свадьбу и новый дом для будущей семьи. Семья его родителей хоть и не считалась бедной и происходила из среды благородных простолюдинов, но Иосиф не хотел, чтобы ради него в чём-то обделялись его восемь братьев и сестёр, живших пока под опекой родителей. Он был старшим из детей и потому считал себя обязанным заботиться о себе самостоятельно.

Прошло почти два года. Он построил новый дом недалеко от холма на северной окраине города, рядом с тем источником, водой которого поила его Мария. Небольшой каменный дом с плоской крышей состоял из одной комнаты и пристройки для скота. Каменная ограда отделяла двор от улицы только с одной стороны, перекрывая пространство между соседними домами. Совсем скоро сюда войдёт молодая хозяйка, и им здесь будет уютно.

В доме Иоахима Иосиф стал желанным гостем. Отец Марии за это время смог убедиться в серьёзных намерениях будущего зятя и в его самостоятельности. Он был уверен, этого молодого человека ждёт хорошее будущее. Его дочь попадёт в надёжные руки любящего мужа.

Совсем немного осталось ждать. Как только Иосифу исполнится двадцать один год, он поведёт свою невесту под венец. Так гласил Закон.

Мария

*27. К Деве, обручённой мужу,
именем Иосифу, из дома Давидова;
имя же Деве: Мария.
(От Луки, глава 1)*

Она была прекрасного телосложения, светловолосой девушкой с огромными, изумительной выразительности, карими глазами.

...

Хотя Мария и являлась потомком древнего рода, но была обыкновенной женщиной своего времени и обладала вполне нормальным темпераментом. Среди ее предков были такие знаменитые женщины, как Аннон, Фамарь, Руфь, Вирсавия, Анси, Клоя, Ева, Энта и Ратта. Ни у одной еврейской женщины того времени не было родословной, в которую входили бы более знаменитые прародители, или которая вос-

ходила бы к более благоприятным истокам. Род Марии, как и род Иосифа, отличался преобладанием сильных, но обыкновенных людей, среди которых периодически появлялись многие личности, внесшие большой вклад в развитие общества и прогресс религии. По своей культуре и вере она была еврейкой, однако по своей наследственности являлась скорее смесью сирийских, хеттейских, финикийских, греческих и египетских кровей. Но у Марии было больше Давидовой крови, чем у Иосифа.

Характер Марии был полной противоположностью характеру Иосифа. Она отличалась веселым нравом, почти никогда не печалилась и постоянно пребывала в радостном настроении. Мария свободно и часто выражала свои эмоции.

По тем временам Мария получила хорошее образование. Для своего времени, общественного положения, Мария была образована намного выше среднего уровня, и обладала стратегическим складом ума, способным мастерски корректировать свои планы и практически их осуществлять. Повзрослев, она приобрела более широкий взгляд на религиозную жизнь и более либеральное представление о личной духовной свободе.

Мария была искусной ткачихой и обладала незаурядными способностями к большинству домашних ремесел того времени. Она была хорошей хозяйкой и стала превосходной матерью семейства.

Когда она впервые увидела Иосифа во дворе отцовско-

го дома, он не произвёл на неё сильного впечатления. Как и любая девушка, вошедшая в возраст любви, она мечтала о принце на белом коне.

Её отец нанял плотника, и она наблюдала, как они обговаривают предстоящую работу. Молодой человек приступил к работе в первый же день, а она тайком приглядывалась, как ловко он клал каменную кладку и орудовал плотницким инструментом. В свои неполные шестнадцать лет она уже могла отличить мастера от дилетанта. Топор в его руках порхал как бабочка, одна деталь подгонялась к другой с удивительной точностью. Ей нравилось, с какой серьёзностью подходил к своему ремеслу этот невысокий жилистый молодой человек. Постепенно в её душе зародилась симпатия, а когда отец приказал ей напоить работника, она была просто очарована бездонной глубиной его чёрных глаз. И с тех пор эти глаза не давали покоя нежной душе юной назаретянки.

В Галилее царили более либеральные обычаи, и потому отец разрешил ей иногда видеться и Иосифом. Никаких вольностей при встрече с любимым она, конечно же, не допускала, но как прекрасны были эти редкие встречи. Как пела душа, как яростно стучало юное сердце во время прогулок у холма.

Прошло почти два года со времени их знакомства. Отец согласился отдать её замуж за Иосифа. Но, соблюдая Закон, придётся дожидаться, когда ему исполнится двадцать один год. Слава Всевышнему, это произойдёт совсем скоро, и она

пойдёт с ним под венец.

Захария и Елисавета

*5. Во дни Ирода, царя Иудейского, был священник из Авиевой череды, именем Захария, и жена его из рода Ааронова, имя ей Елисавета.
(От Луки, глава 1)*

Захария стоял перед алтарём в храме Иерусалима, а собравшиеся там люди молились о скором пришествии освободителя всего еврейского народа, о новом иудейском царе, потомке легендарного Давида.

...

Захария принадлежал к еврейскому духовенству и служил в иерусалимском храме, а его жена Елисавета относилась к более процветающей ветви того же большого клана что и её родственница Мария. Некоторая разница в годах не мешала женщинам стать близкими подругами. Когда им удавалось остаться наедине, они делились своими сокровенными тайнами и мечтами.

Захария и Елисавета прожили в браке уже много лет. Муж был намного старше своей прелестной супруги, и это было в порядке вещей. Всё в этом браке было идеально, но омрачало отсутствие детей. Елисавета, как любая замужняя женщина, тяготилась этим обстоятельством. Она была

воспитана в строгих еврейских традициях, и семья без детей представлялась ей невозможной. Но Бог обделил эту семейную пару счастьем деторождения. Супруги искренне винили в несчастье только себя. Захария каждый день молился о даровании ему наследника, но умом понимал, что с возрастом шансы становятся ничтожны. Елисавета, переживая о своём бесплодии, в отчаянии обращалась даже к тайным знахарям и колдуньям.

Как-то однажды в беседе с женой Захария заметил: «Я бы многое отдал, чтобы свершилось чудо. Неужели мне суждено умереть, так и не став отцом?»

Одна из знакомых Елисаветы, зная о её беде, посоветовала зачать тайно от другого мужчины. Добропорядочная супруга священника сначала бурно возмутилась таким предложением, но опытная сводня, ненавязчиво привела несчастную женщину к решению тайного зачатия.

– Не сомневайся, милая, – вкрадчиво говорила сводня, – всё будет тайно. Я найду тебе молодого человека, ещё не изведавшего женского тела. А ты явишься перед ним с закрытым лицом. Если хочешь, и он тоже. Всё произойдёт в тайном месте. Вы придёте туда разными путями и так же расстанетесь неопознанными.

– Но это измена супругу, – сомневалась Елисавета, – люди не узнают, так Бог покарает меня за прелюбодеяние.

– Бог суров, но он простит это прегрешение, совершённое во благо. Ибо сам завещал: «Плодитесь и размножайтесь».

Да и прелюбодеяния никакого не будет. Ты так же останешься верна своему благоверному Захарии, как и прежде. Просто воспользуешься молодым семенем для рождения наследника своему мужу. Он так усердно молится Богу, что сочтёт это благом, ниспосланным свыше. А впрочем, так оно и будет. Может быть, Всевышний послал тебе меня, может быть, он этого сам хочет?

Елисавета мучительно обдумывала сомнительное предложение несколько дней, и в великих терзаниях решила, что стоит попробовать. В своё оправдание она решила, что если не понесёт и на это раз, значит действительно дело в ней самой. Тогда она признается в грехе мужу, и пусть её покарают по Закону.

Тайное соитие свершилось в два часа пополудни восемнадцатого таммуза. То, чего с таким трепетом и опасением ожидала Елисавета, произошло совершенно банально и быстро. Юноша в маске вошёл в лоно неизвестной женщины очень неумело, но трепетно. Ему запрещено было ласкать тело неизвестной, а тем более целовать в губы, и он выполнил уговор безукоризненно. Быстро сбросив напряжение своего тела, молодой человек издал слабый стон, после чего тихо удалился из затемнённого помещения. Его неизвестная партнёрша, выдержав подобающую паузу, тоже покинула тайное убежище через чёрный ход. Домой она возвратилась, неся корзину с фруктами, купленными на рынке.

Какое-то время Елизавета, согрешившая во благо, нахо-

дилась в состоянии неопределённого ожидания. Смятение царило в её душе, до того момента, когда беременность неопровержимо заявила о себе. Супруга Захарии вздохнула с облегчением, и по наущению всё той же хитрой сводни, предстала перед мужем с радостной вестью.

– Муж мой возлюбленный, – начала она торжественно, – выслушай меня со вниманием, ибо я принесла тебе очень важную весть. Недавно во сне мне явился архангел Гавриил и поведал следующее: «В то время как твой муж, Захария, стоит перед алтарем в Иерусалиме, и собравшиеся там люди молятся о приходе освободителя, я, Гавриил, прибыл для того, чтобы объявить тебе, что вскоре ты родишь сына, который станет предтечей этого божественного учителя, и ты наречешь своего сына Иоанном. Он вырастет в преданности господину Богу, и когда он возмужает, то обрадует твое сердце, ибо обратит к Богу многих и провозгласит приход целителя души твоего народа и духовного освободителя всего человечества».

Так сказала Елисавета. Со временем уверовав в свои слова, она убедила себя и в том, что всё свершилось по воле Небес.

Захария отнесся к услышанному с большим сомнением, и долгое время вообще не верил в подлинность этого случая, но не стал устраивать расправы над неверной женой, ибо отнёс это к её женскому воображению. Ведь он понимал, как переживает его жена из-за отсутствия в их семье детей.

Было даже подозрение, что она на этой почве повредила умом. Но Захарии, всё же, пришлось, скрепя сердце, поверить супруге лишь после того, как он уже не мог сомневаться в ее беременности. Будущее материнство Елисаветы полностью сбило его с толку. При этом он не сомневался в честности своей жены. Несмотря на собственный преклонный возраст, муж входил к своей жене с завидным постоянством в те дни, когда это разрешал Закон. Лишь примерно за шесть недель до рождения ребёнка, под воздействием поразившего его сна, Захария полностью уверился в том, что Елисавета станет матерью сына предначертанной судьбы, которому суждено расчистить путь для прихода Мессии.

Мальчик родился в городе Иудином пятого нисана. Захария и Елисавета чрезвычайно обрадовались, ибо поняли, что получили сына, обещанного Гавриилом. И когда на восьмой день ребенка принесли для совершения обрезания, как и было велено, нарекли его Иоанном.

Счастливый супруг Елисаветы возблагодарил господу Бога за дарованное чудо и возрадовался искренне.

Зачатый во грехе

18. ...по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде, нежели сочтались они, оказалось, что Она имеет во чреве...

(От Матфея, глава 1)

Её широко открытые карие глаза, невидящим взором смотрели сквозь прорехи крыши заброшенного сарая на различные звёзды, холодным колючим светом сиявшие в угольном небе.

...

Он шагнул за ней. Девушка, словно почувствовав это, ускорила шаг. Но декану ничего не стоило нагнать её в несколько широких шагов.

– Ну, куда же ты, милая? – шагая рядом, негромко сказал легионер, – поговори со мной, я так соскучился по доброму женскому слову.

Но девушка не отвечала, а лишь прикрыла лицо покрывалом. Она попыталась идти ещё быстрее, но этот римлянин мог бы легко опередить её. Что он с успехом и проделал в дальнейшем. Несколько раз он преграждал ей путь своей мощной фигурой, пытаясь нагловатыми шуточками завязать знакомство. Но все его попытки оказывались тщетны. Незнакомка, скрывая лицо, ловко увёртывалась и безмолвно продолжала свой путь. Навязчивый ухажёр не оставлял попыток разговорить юную назаретянку. Когда же солдат попытался заключить её в объятия, она вывернулась и юркнула в узкую щель между домами, намереваясь уйти от преследователя в лабиринте внутренних проулков. И это стало роковым решением.

Она бежала по узкому проходу между глухими каменными стенами, с ужасом слыша за своей спиной его тяжёлые

шаги. Этот проход оказался недостаточно узок для мощного тела грубого вояки. Девушка поняла, что совершила ошибку. Остаться на улице было бы для неё безопаснее. А в нём сработал охотничий инстинкт. Если жертва бросается наутёк, её необходимо догнать. Так поступают бродячие собаки. Страх жертвы служит для них сигналом к нападению. И он напал.

Намётанный глаз опытного солдата, умеющего мгновенно ориентироваться в бою, на ходу заметил полуразрушенный сарай. Эта постройка, по всей видимости, была заброшена давно, а значит, никто его здесь не побеспокоит. Вокруг действительно никого не оказалось, а если кто-то и был, став невольным свидетелем, то предпочёл не вмешиваться.

Пандира ухватил свою добычу за талию, зажал подмышкой и увлёк в тень сарая. Та отчаянно пыталась сопротивляться, но что стоили её слабые усилия в сравнении с грубой силой тренированного римского ветерана. Он бросил её на землю и придавил своей массой. Тщетная борьба девушки продолжалась недолго. Руки предательски слабели, и не хватало дыхания.

Когда насильник добрался до её груди, раздался тот крик, который потом не давал ему заснуть всю ночь. Этот нечеловеческий дикий крик погибающей лани, резанул его слух как ножом. Легионер отпрянул на мгновение и, секундой позже, ударом тяжёлой ладони прервал тщетную просьбу о помощи. Теперь ничто не помешает ему сорвать этот нераспу-

стившийся бутон розы.

Когда Мария пришла в себя, было уже темно. Равнодушные звёзды светили с угольно-чёрного неба своим холодным светом сквозь прорехи крыши. Сначала она даже не могла понять, что с ней, где она. Но постепенно память возвращала её в реальность. Вспомнилось всё до мельчайшей детали, вплоть до последнего крика. А дальше были только эти звёзды. Конечно же, она поняла, что сотворил с ней этот негодяй. Живое воображение дорисовало страшную картину произошедшей трагедии. Тошнотворный запах его пьяной утробы чувствовался до сих пор. Организм сразу же отреагировал на это воспоминание. Её желудок словно вывернулся наизнанку в безудержной жестокой рвоте. Когда приступ отпустил её, она вновь обессилено упала навзничь.

Так она лежала неподвижно какое-то время, прислушиваясь к своему телу. Даже поправить одежду, прикрыв наготу, сил уже не было. Во всём теле отдавалась боль. Но вырастающая душевная боль, скоро перекрыла боль телесную. «Как же жить дальше?» – всплыла мысль в её мозгу, – «Как вообще можно жить в этом проклятом жестоком мире? Терпеть покорно позор и унижение?»

Мария с трудом поднялась на ноги и, пошатываясь, вышла из сарая. Мысли путались, взгляд безумно блуждал в темноте. Опираясь о стены, она брела на своих ватных ногах по узкому лабиринту. Сознание немного прояснилось, когда узкий проулок вывел её на широкую пустынную улицу. Ориен-

тируясь скорее инстинктом, чем сознанием, несчастная направилась в сторону своего дома. Улица была совершенно безлюдна, никто не встретился ей на пути. Возможно, ночные грабители и видели её, но не удостоили своим вниманием это жалкое растерзанное существо.

Недалеко от своего дома, в неясном свете ночного светила Мария различила толстую ветвь дерева, выступающую из-за каменной ограды на улицу. Тут же кто-то оставил несколько старых корзин. «А зачем? Не буду!!! Не хочу!!!» – болью пронзила мозг крамольная бунтарская мысль. Она остановилась под деревом и стала разматывать свой длинный пояс, свитый из разноцветных шёлковых нитей. Соорудив шаткую конструкцию из брошенных корзин, взобралась на неё и перекинула один конец пояса с небольшой петлёй через ветвь. Прдела второй конец в петельку и потянула. Балансируя на своём непрочном пьедестале, завязала другую петлю на свободном конце пояса, и, не задумываясь, накинула её себе на шею. А потом, просто шагнула вперёд...

Но не успела удавка затянуть шею отчаявшейся девушки, как в воздухе просвистел плотницкий топор. Лезвие вонзилось в толстую ветвь дерева именно в том месте, где затянулась малая петля пояса. С петлёй на шее Мария рухнула вниз и оказалась в объятиях Иосифа.

Он весь день с нетерпением ждал свидания, а когда в назначенное время она не пришла, ужасно волновался. Ночь опустилась на город, а его возлюбленной всё не было. Запо-

дозрив что-то неладное, он отправился на поиски, прихватив свой плотницкий топор. Бродить по ночным улицам Назарета в одиночестве и без оружия было небезопасно. Обойдя несколько кварталов, он увидел страшную картину на одной из улиц. Какая-то женщина явно собиралась повеситься на толстой ветви дерева, выступавшей из-за ограды наружу. Сначала Иосиф просто решил воспрепятствовать греху самоубийства. И лишь в последний момент с трудом узнал Марию. Скорее это было чутьё, нежели зрение. Реакция сработала мгновенно. Не задумываясь, он выхватил топор и метнулся к ней.

– Успел! – выдохнул с облегчением плотник.

– Уйди! Не трогай меня! – забилась в истерике Мария, отталкивая своего жениха.

А впрочем, она его и не узнала. Несчастливая не справилась с нервным напряжением, и рассудок её помутился на какое-то время. Она яростно брыкалась, била по лицу, колотила кулаками по плечам, пыталась укусить руки, державшие её. Какие-то нечленораздельные звуки вырывались из горла бедняжки. То она плакала навзрыд, то выла, как раненая волчица, то хрипела, как загнанная лошадь. Глаза, вышедшие из орбит, бешено блестели, волосы растрепались. Её безумный вид ужаснул молодого человека, но выпускать из объятий свою любимую он не собирался.

Вспышка сумасшедшей ярости длилась не долго, и вскоре Мария так же внезапно затихла на груди Иосифа. Слышно

было только её прерывистое дыхание, да редкие всхлипывания.

Он поднял девушку на руки и постарался быстрее унести её с этого страшного места. Домой в таком виде она вернуться пока не могла, поэтому Иосиф отнёс свою ношу к себе домой. Это был новый собственный дом, выстроенный с помощью двух его братьев для будущей молодой семьи. Там она и осталась до утра. Хотя это и было нарушением Закона, но этот грех дал возможность всё обсудить спокойно.

Утром Мария всё рассказала Иосифу.

– Откажись от свадьбы, – попросила она, – мне теперь нельзя за тебя замуж. И зачем ты только меня спас?

– Что ты такое говоришь? Опомнись!

– Зачем я тебе такая? Грязь этого позора испачкает и тебя, – потупив глаза, шептала девушка.

– Никто ничего не узнает. Мы сохраним всё в тайне. Сейчас мы пойдём к твоему отцу, и я признаюсь, что эту ночь ты провела со мной. Конечно, он разгневется, может быть, накажет, но потом простит. Скоро свадьба. Он не захочет предавать это огласке.

– Ты возьмёшь меня с таким позором? – Растерялась его невеста. – Да как же я буду смотреть тебе в глаза?

– Ты не виновата. Что ты могла?

– Но может родиться ребёнок!

– Можно обратиться к повитухам, эти мудрые женщины помогут тебе избавиться от нежелательного плода. Мы за-

платим им за молчание. Никто из людей ничего не заподозрит.

– А Бог? – подняла испуганные глаза Мария.

Иосиф только обречённо вздохнул в ответ.

Свадьбу сыграли в доме невесты, как того требовал обычай. Невеста была необычно грустна. Но ей и не положено было веселиться, а потому никто из гостей не заметил ничего подозрительного.

Гостей было много. Они съехались почти со всей Палестины. Среди них были и Захария со своей беременной супругой. Елисавета находилась уже на пятом месяце беременности, но никак не хотела пропустить свадьбу своей подруги. Муж легко согласился с её желанием.

Молодые супруги поселились в новом доме. Это был небогатый однокомнатный дом, но теперь это их собственное жильё, и в нём появилась молодая рачительная хозяйка.

Через несколько дней после свадьбы Мария отправилась к знахарке, которая слыла ещё и хорошей повитухой. Та жила на самой окраине в другой половине города, и Марию не знала. За небольшую плату она осмотрела молодую женщину и заявила, что та по-прежнему невинна. Такой вывод старухи привёл Марию в замешательство. На какое-то время она даже уверилась, что пьяный солдат её не обесчестил. Может быть, ему кто-то помешал, или спугнул тот самый последний отчаянный крик. Но сомнения скоро рассеялись, так как беременность дала о себе знать неопровержимыми

доказательствами.

К немалому удивлению Марии, муж запретил ей прерывать беременность, не смотря на то, что и она сама приняла такое решение.

– Убив его, ты наложишь на себя смертельный грех. Этого Бог тебе не простит, – серьёзно произнёс Иосиф.

– Но ведь ты сам первоначально предлагал так сделать.

– Да, но я был неправ. Я совершил грех, допустив такую мысль. Пути господни неисповедимы, и, может быть, Всевышнему угодно, чтобы этот ребёнок увидел свет. В конце концов, если его мать еврейка, то по Закону он тоже родится евреем. Пусть всё свершится божьим промыслом.

– Ты сможешь растить чужого ребёнка? – удивлялась супруга.

– Я люблю тебя, Мария. Ты родишь этого и всех последующих наших детей. У нас будет большая дружная семья. А если ты прервёшь первую беременность, мы вообще можем остаться без детей. Надеюсь, это тебе известно не хуже меня. Да и грех это, грех! Даже мыслить о таком грешно!

– Иосиф, любимый! – только и смогла вымолвить Мария, прижавшись к груди мужа.

Слёзы затуманили взгляд её, но это были слёзы радости и счастья.

Двадцать девятого Ава¹⁵ полуденное Солнце отразилось в голубых глазах новорожденного.

...

Цезарь Август распорядился провести всеобщий цenz, чтобы пересчитать всё население Римской империи для более успешного взимания налогов. Евреи всегда с огромным предубеждением относились к попыткам «пересчитать народ», и это, вместе с серьезными внутривластными проблемами Ирода, царя Иудейского, привело к тому, что цenz в его царстве был проведен на год позже, чем во всей Римской империи. Местом регистрации избрали город Вифлеем, что находился близ Иерусалима.

Иосиф мог бы отправиться в путь один, так как имел право внести в списки всю свою семью, но Мария упростила мужа взять её с собой. Сначала он категорически отказывался выполнить эту просьбу, ссылаясь на то, что путь дальний, а ей скоро рожать. Умная жена всё же нашла убедительные аргументы в пользу своего решения. Она заявила, что не хочет рожать в отсутствие мужа. Если он будет рядом, она легче перенесёт первые роды. К тому же Мария очень хотела повидаться со своей подругой Елисаветой, которая пять месяцев назад благополучно разрешилась от бремени. Ей было очень любопытно узнать, как же это всё происходит, чтобы быть готовой к таинству рождения нового человека.

После недолгих препирательств Иосиф уступил любимой

¹⁵ Ав – третий месяц лета.

супруге, и она стала собираться в дорогу.

Ранним утром двадцать шестого Ава они отправились в путь. Мария, которая была на последнем сроке беременности, ехала верхом вместе с запасом еды, а Иосиф шел рядом, ведя осла. У них было только одно вьючное животное. Большой роскоши они себе пока позволить не могли. Строительство дома и приобретение домашней утвари ввели семью в огромный расход. Кроме того, Иосифу приходилось помогать родителям, так как незадолго до того его отец потерял трудоспособность.

Два дня путешествия прошли без происшествий, и на исходе вторых суток они заночевали в городе Иудином у Захарии. Хозяева с радостью приняли путников. После угощения женщины уединились, в то время как мужчины принялись обсуждать свои серьёзные дела.

Мария с Елисаветой делились новостями и своими женскими секретами почти всю ночь. Молодая подруга, умолчав о многих подробностях, призналась, что забеременев, осталась девственницей. Она очень опасалась, что роды будут тяжёлыми по этой причине. На что Елисавета стала успокаивать её.

Рано утром молодые супруги отправились в Вифлеем, куда и прибыли уже после полудня. Гостиница была переполнена, как и все помещения в городе. Для приема постояльцев хозяин гостиницы даже распорядился освободить и вычистить караванные стойла, высеченные в склоне скалы и на-

ходившиеся прямо под гостиницей. К счастью, одно место оказалось незанятым. Оставив осла во дворе, Иосиф взвалил на себя корзины с припасами, и вместе с Марией спустился по каменным ступеням в их нижнюю обитель. Они оказались в бывшем хранилище для зерна, находившемся перед конюшней и яслями. Здесь была повешена шатровая занавесь, и они остались довольны, что им досталось такое удобное помещение.

Утром Иосиф предполагал отправиться на регистрацию, а потом незамедлительно возвращаться домой. Но Провидению было угодно распорядиться их судьбой иначе.

Всю ночь Мария провела в беспокойстве, взволнованно взирая на яркую звезду, горевшую на небосклоне уже несколько дней подряд. Юпитер и Сатурн сблизились настолько, что образовали единое светило. Такое явление не было из ряда вон выходящим, но сейчас оно выглядело как некое знамение. К тому же несколькими месяцами раньше над Палестиной пролетала «хвостатая звезда». Она летела с севера на юг, в том же направлении, в каком пришлось проделать путь Марии с мужем.

Иосиф не отходил от жены ни на шаг.

К утру начались сильные схватки, а в полдень следующего дня, с участием и доброй помощью остановившихся в гостинице женщин, Мария благополучно разрешилась младенцем мужского пола. Мальчика обмыли, завернули в припасённые на такой случай пелена и положили в соседние ясли. Ново-

рожденный был здоров, и молодая мать чувствовала себя тоже хорошо. Молодой же отец волновался не меньше самой роженицы, и всё это время не находил себе места. Добровольные помощницы так же были заинтригованы этими родами. Они ещё никогда не сталкивались с таким удивительным случаем, когда бы ребёнка рожала девственница.

Иосиф прошёл регистрацию только на следующий день и отправился разыскивать своего дальнего родственника, в надежде остановиться у него на то время, пока Мария с ребёнком не окрепнут для обратной дороги. Расспрашивая прохожих, он с удивлением узнал, что по городу уже распространился слух, будто девственница родила младенца мужского пола.

А голубоглазый младенец, важно причмокивая, сосал материнское молоко, на руках счастливой Марии.

Через два дня они перебрались к родственникам, и оттуда Иосиф отправил весточку Захарии о рождении сына. В ответном послании было приглашение посетить Иерусалим для совершения обряда очищения.

Елисавета так обрадовалась радостной вести, что, не удержавшись, рассказала мужу о девственности Марии перед родами, и напомнила о пророчестве, в котором говорилось, будто долгожданный Мессия родится от непорочной девы. Захария тогда не придавал её словам особого значения. Но со временем его мнение изменилось.

На восьмой день, согласно еврейскому обычаю, новорож-

денный прошёл должный обряд обрезания и получил имя Матфан.

Дед Иосифа тоже был голубоглаз, а потому отец и предложил назвать сына именем своего предка. Мария с благодарностью восприняла такое предложение.

Когда Матфану исполнилось три недели от роду, к нему попросились три чужеземных священника. Эти учителя пришли с востока, но путь их начался далеко на севере. Они искали «Свет жизни», который по преданию должен появиться среди евреев в день, который укажет само небо. «Хвостатая звезда» как раз и указала им путь. Много месяцев назад они покинули родные края, плыли Понтом Эвкинским, пересекали горные хребты, где когда-то причалил ковчег Ноя, побывали в Месопотамии, брели пыльными пустынями Сирии, и наконец, прибыли в Землю Обетованную. После нескольких недель бесплодных поисков в Иерусалиме они уже собирались повернуть назад, когда встретили Захарию, который убедил их в том, что предмет их поисков был сын Иосифа. По прибытии в Вифлеем они услышали от горожан, что девственница из Галилеи родила голубоглазого мальчика в тот день, когда на ночном небе горела огромная звезда. Чужеземцы нашли младенца, поклонились ему и, убедившись в том, что предмет их поисков найден, оставили свои дары Марии. После чего не стали досаждать никому своим присутствием, удалились восвояси, неся народам весть о рождении Спасителя.

ВИФЛЕЕМ

Первое бегство

*14. Он встал, взял Младенца
и Матерь Его, и пошёл в Египет
(От Матфея, глава 2)*

«Да, нелёгкая судьба ждёт это дитя, если уже с младенчества приходится ему скитаться», – опечаленно размышлял Иосиф.

...

Моисей учил евреев, что каждый первенец принадлежит

Господу и что вместо принесения его в жертву, как это делали по своему обычаю язычники, такой сын может жить, если его выкупят родители, заплатив пять сиклов любому полномочному священнику. Кроме того, существовал Моисеев Закон, требовавший, чтобы мать, по прошествии определенного времени, явилась в храм для прохождения обряда очищения, или же кто-нибудь должен принести от ее имени жертву. Обычно оба этих обряда выполнялись одновременно. Поэтому Иосиф и Мария сами пришли в иерусалимский храм, чтобы представить Матфана священникам и выкупить его, а также принести необходимую жертву и обеспечить ритуальное очищение Марии от мнимой скверны деторождения.

Вскоре после принесения даров Марии и Матфану иноземными священниками Иосиф воспользовался приглашением Захарии, и вместе с семьёй отправился в Иерусалим.

По дворам иерусалимского храма постоянно прогуливались две замечательные личности – певец Симеон и блаженная сочинительница Анна. Симеон был родом из Иудеи, Анна – из Галилеи. Этих людей часто можно было встретить вдвоем, и оба они были близкими друзьями священника Захарии, который посвятил их в тайну Иоанна и Матфана. Сам же Захария, под влиянием своей супруги, всё более и более веровал в избранность своего сына и сына Иосифа. Как Симеон, так и Анна жаждали прихода Мессии, и доверие к Захарии помогло им тоже уверовать в то, что Матфан был долгожданным освободителем еврейского народа.

Захария знал, в какой день Иосиф и Мария должны были появиться в храме вместе с ребёнком, и он заранее условился с Симеоном и Анной о том, что укажет, который из череды первенцев является долгожданным спасителем, подняв свою руку в знак приветствия.

Для этого случая Анна написала поэму, исполненную Симеоном, которая поразила Иосифа, Марию и всех собравшихся во дворах храма. Их гимн в честь искупления первенца звучал так:

*Благословен будь Господь, Бог Израиля,
Ибо он пришел к нам и освободил свой народ;
Он воздвиг рог спасения для всех нас
В доме слуги своего Давида.
Как и возвещал он устами своих святых пророков —
Спасение от врагов и от руки наших ненавистников;
Даровать милость свою отцам нашим
И помнить свой священный завет —
Клятву, которую он дал Аврааму, праотцу нашему,
Что избавит нас от врагов,
Чтобы могли мы безбоязненно служить ему,
Свято и праведно всю нашу жизнь.
А ты, заветное дитя, будешь называться пророком
Всевышнего;
Ибо ты будешь идти впереди Господа, дабы создать его
царство.
Ты возвестишь людям о спасении,
Ибо отпустятся им грехи их.*

*Возрадуйтесь ласковой милости Бога нашего,
Ибо воссияла нам новая заря с небес,
Чтобы светить тем, кто живет во тьме и страхе
смерти,
Чтобы указывать нам путь к миру.
Отпусти же теперь, Господи, раба твоего, как и обещал,
Ибо глаза мои видели спасение,
Которое ты приготовил пред лицом всех народов:
Свет, который просветит даже язычников
И принесет славу народу твоему, Израилю.*

Весь обряд прошёл согласно канонам, но принесённая жертва отличалась особой скромностью. Иосиф уже много дней оставался без работы, и их скромные сбережения быстро таяли. Даже для совершения этого обряда в храме Иосиф смог позволить себе, заплатив за сына положенную сумму, пожертвовать на Марию только двух горлиц, как предписывал поступать беднякам Моисей для очищения матерей.

Возвращаясь из храма, Иосиф и Мария молчали, смущённые и объятые благоговейным страхом. Мария была глубоко взволнована приветствием Анны, а Иосиф обеспокоен этой попыткой представить Матфана долгожданным Мессией еврейского народа.

Тем временем доносчики царя Ирода Великого не бездействовали. Когда они доложили ему о посещении Вифлеема священниками с востока, Ирод затребовал этих волхвов к себе. После того как его ищейки доставили мудрецов во дво-

рец, он дотошно расспросил их о «Свете жизни», воплощённом в младенце. Но рассказ священников не удовлетворил его любопытства. Объяснив лишь, что младенец был рожден девственницей, они не приводили никаких существенных доказательств, а лишь ссылались на свои чувства. По их мнению, это действительно был избранный Богом ребёнок. Ирод дал им денег и послал обратно в Вифлеем предупредить, что сам явится к младенцу на поклон. Вслед за ними были посланы соглядатаи, с целью установить точное местонахождение указанного дитя. Но миссия шпионов провалилась, так как семья Иосифа уже отбыла в Иерусалим. К тому же они потеряли и заподозривших неладное паломников, за что впоследствии поплатились головами.

Царь Ирод пришёл в гнев, ибо опасался, что мальчик может оказаться новым царём иудейским, потомком дома Давидова, как гласило пророчество. Своей властью он ни с кем делиться не хотел. К тому же у него были сыновья, к которым перейдёт по наследству его трон.

Меж тем один из доносчиков царя Ирода, находившийся в храме во время обряда, донёс своему начальнику, а тот, в свою очередь, царю Иудеи о содержании странного гимна, исполненного певцом Симеоном на слова блаженной Анны. Слова эти лишь подтвердили худшие опасения царя. Он приказал незамедлительно отыскать ребёнка, над которым исполнялся гимн и уничтожить его вместе с родителями. Никого из приближённых не удивил такой приказ потому, что

козни, интриги и убийства были привычным делом при дворе Ирода Великого, и даже в его семье.

Захария водил знакомство с некоторыми царскими придворными, и один из них, верующий в приход мессии, сообщил ему о приказе царя. Сразу же сообразив, что смертельная опасность грозит именно его родственникам, он поспешил предупредить Иосифа. Сознавая свою вину в происшедшем, священник снабдил его деньгами и посоветовал немедленно покинуть Иерусалим. Возвращаться в Назарет, а тем более в Вифлеем было неосмотрительно и даже опасно. Лучше всего было отправиться в Египет, где в Александрии жили дальние родственники Иосифа.

Сам же Захария при немалой помощи своей жены усердно распускал слух, что избранного младенца увезли в Вифлеем, где его родители, якобы, решили поселиться, чтобы избранный ребёнок вырос в городе Давида.

Шпионы коварного царя сбились с ног в поисках голубоглазого мальчика, рождённого девственницей в Вифлееме во время ценза.

По прошествии малого времени в Вифлееме и его окрестностях разразилась эпидемия страшной болезни. Вполне возможно, что заразу занёс из другой провинции кто-то, прибывший на регистрацию, а многократно увеличившаяся плотность населения, лишь усугубила ситуацию. Мор уносил только жизни маленьких детей. Младенцы в возрасте до трёх лет быстро увядали на глазах несчастных родителей и умира-

ли в агонии. За несколько недель в городе и его окрестностях не осталось ни одного ребёнка младше четырёх лет. Стоны и душераздирающие рыдания безутешных матерей раздавались над кладбищем непрерывно, ведь хоронили почти каждый день.

Осведомители доносили Ироду о свирепствовавшей эпидемии, на что тот радостно потирал руки, приказав выставить на всех дорогах дозоры, дабы болезнь не распространилась на всю Иудею, но ничего не сделал для предотвращения её в самом городе. Впоследствии народ приписал гибель своих детей злодейству самого Ирода-царя, а его имя осталось в веках знаком коварства.

Благополучно избежав смерти от ножей иродовых убийц и эпидемии, семья Иосифа добралась до Александрии, преодолев все трудности дальней дороги. В Александрии они остановились в доме состоятельного родственника, который благородно предоставил им кров на неограниченное время. Своё бегство из Иудеи супруги объясняли страхом перед ужасной эпидемией, уносящей жизни детей. Весть о страшном поветрии догнала их уже в Газе.

В скором времени Иосиф получил работу плотника в порту, где строил склады, чинил повозки и ремонтировал потрепанные штормами купеческие корабли. Так как он всегда был очень ответственным тружеником и умелым ремесленником, то быстро поднялся до положения мастера, под началом которого было уже несколько десятков рабочих. Теперь

он мог достойно обеспечивать свою семью и даже мог бы снимать отдельное жильё. Но родственник уговорил остаться под его крышей.

Маленький Матфан подружился с детьми хозяина и его ближайших соседей. Мария, напуганная смертельной опасностью грозившей её сыну в Иудее, порою чрезмерно опекала его. Поначалу мать не хотела отпускать Матфана от себя. Она боялась, что если ему позволят играть в саду вместе с остальными детьми, с ним может что-то случиться. Однако Иосифу с помощью своих родственников, удалось убедить ее, что такое воспитание лишило бы мальчика полезного опыта – умения ладить с детьми своего возраста. И Мария, осознав, что чрезмерная защита и покровительство могут сделать сына застенчивым и несколько эгоцентричным, согласилась, наконец, чтобы дитя росло так же, как любой другой ребенок. Но, даже подчинившись этому решению, она взяла за правило всегда присматривать за малышами, играющими возле дома или в саду. Только любящая мать знает, какой груз лежал на сердце Марии, переживавшей за безопасность своего сына в годы его младенчества и раннего детства.

Через два года до Александрии дошла весть о смерти царя Ирода Великого. Родители Матфана, после недолгих обсуждений, решили возвращаться в Палестину. Родственники уговаривали их остаться, но дом, оставленный в Назарете, звал своих хозяев назад. На проводах собрались все александрийские родственники и подарили маленькому Матфа-

ну полный греческий перевод священных иудейских книг.

Иосиф и Мария отбыли из Египта на корабле, принадлежавшем их другу Ездриону, и прибыли в порт Иоппии ровно через три года после рождения Матфана.

Часть вторая

ЖИЗНЬ

*22. Услышав же, что Архелай
Царствует в Иудее вместо Ирода,
отца своего, убоялся туда идти,
но пошёл в пределы Галилейские.
(От Матфея, глава 2)*

Матфан

*23. И пришед поселился в городе,
называемом Назарет, да сбудется
речённое через пророка,
что Он Назореем наречётся.
(От Матфея, глава 2)*

Что есть Родина для человека, рождённого вне стен родительского дома? И что есть Дом для вечного скитальца?

....

Иофия встретила скитальцев привычной разноязыкой суетою и гомоном базаров. Распрощавшись с Ездрионом, Иосиф отправился с семьёй на постоянный двор. Тем же ве-

чером он сторговал на рынке двух осликов, чтобы поутру, водрузив на них поклажу, отправиться в путь.

Куда направиться по прибытии супруги начали обсуждать ещё на корабле.

– А может быть, нам стоит вернуться в Вифлеем, к твоим родственникам? – предложила Мария.

– Почему в Вифлеем? Наш дом в Назарете.

– Я много думала о странном гимне, исполненном в иерусалимском храме над нашим сыном.

– Мария, любимая, ты слишком близко к сердцу принимаешь всякий вздор. Я тебе уже говорил, что не стоит обращать внимание на бредни этой сумасшедшей и её не менее чокнутого дружка, – вразумлял свою жену Иосиф. – Им что-то взбрело в голову, а нам пришлось бежать.

– Всё в руке Божьей. А вдруг он действительно избранное дитя? Тогда ему лучше вырасти в городе Давида, – настаивала молодая мать.

– Ну, почему ты так упорно веришь этим храмовым бездельникам?

– Очень уж много совпадений в его рождении.

– Да, я знаю текст пророчества, но это ещё ничего не значит, – серьёзно сказал Иосиф и перешёл на шёпот. – Даже если допустить, что пророчество сбылось, и наш сын обещанный мессия, это совсем не означает, что жить он должен в Вифлееме Иудейском. К тому же там ему может угрожать смертельная опасность.

– Почему? Ирод ведь умер, – вопрошала Мария.

– Ирод умер, это да, но Иудея сейчас под властью его сына Архелая. И я думаю, что он будет столь же коварен. Не дай Бог ему донесут, что ребёнок, которого приказал убить его отец, жив. Сынок-то уж точно выполнит папин приказ. И нас с тобой заодно...

– Прошло два года, про нас уже забыли, – пыталась настаивать Мария.

– Глупая, – он прижал жену к груди, – найдутся те, кто вспомнит. Нет, нам нужно возвращаться в Галилею.

– Но там тоже правит сын Ирода Антипа, – она подняла на мужа растерянные глаза.

– Сомневаюсь, чтобы Антипа разыскивал опасного ребёнка в своих владениях. Там нам будет безопасней, там наш дом, там наши родители. В родном доме, как известно, и стены помогают.

– Но там нас не ждут, мы не посылали туда вестей с тех пор, как покинули те края.

– Это и хорошо. Пусть для всех мы пропали. Вернёмся в Назарет и заживём как прежде. Там ведь никто не знает про историю с гимном и приказом Ирода, а мы и не будем никому говорить. Зачем привлекать внимание? Много людей живёт в Палестине, властям не до нас, да и свои не выдадут, в случае чего...

– А если начнутся расспросы? – сомневалась Мария.

– Скажем, что бежали от эпидемии, а послать весточку

никак не удавалось. Ничего, обойдётся, я найду что сказать.

– И всё же я сомневаюсь.

– Не сомневайся, и не бойся. К тому же, я убеждён, что в Галилее наш сын получит лучшее образование, чем в Иудее, ведь у нас Закон не так суров и предоставляет евреям больше свободы.

К подобным разговорам супруги возвращались не раз. И каждый раз Иосиф оставался при своём мнении. В конце концов Мария тоже склонилась к мысли, что лучше вернуться в Назарет, но не оставила веру в избранность сына. Матфан же легко перенёс морское путешествие и был в полном восторге от такого приключения. Он даже подружился с матросами и самим Ездрионом, постоянно забрасывая их своими каверзными вопросами.

В Галилее семью Иосифа действительно никто не ждал. Для всех они пропали бесследно, ведь всё это время о них не было никаких вестей. Конечно же, родственники приняли их с радостью, и даже устроили маленькое празднество в их честь. Но некоторая неловкость в их появлении всё же была. Дело в том, что в построенном Иосифом доме поселился его женатый брат с семьёй. Он принимал участие в строительстве этого дома и счёл, что имеет полное право занять его в отсутствие прежнего хозяина. Радость встречи со старшим братом омрачилась для него необходимостью оставить обжитое жилище. Но Иосиф пообещал помочь в строительстве нового дома, и этим инцидент был исчерпан.

Молодые родители Матфана поселились в своём доме и зажили счастливо, стараясь не вспоминать былые страдания.

Иосиф вскоре нашёл работу плотника. Через какое-то время он построил мастерскую недалеко от источника и стал брать подряды на строительство. Опыт, приобретённый в Александрии, помог ему быстро стать преуспевающим мастером. Братья помогали ему, а когда работы прибавилось, пришлось нанимать дополнительных рабочих. Семья Иосифа теперь уже не испытывала особой нужды в деньгах и могла жить безбедно.

Мария с энтузиазмом взялась за домашние хлопоты и воспитание сына. Она оказалась прекрасной хозяйкой, любящей женой и очень нежной матерью. После трудов праведных усталый муж возвращался в тепло семейного уюта, заботливо созданного умелыми руками хранительницы очага.

Матфан тоже радовал родителей. Он рос здоровым и совершенно нормальным ребёнком, разве что несколько более любознательным и активным. Поначалу ему не хватало общения со сверстниками, к которому он привык в Александрии, но со временем и в Назарете у него появились друзья. Первым из них стал соседский мальчишка Иаков. А когда родители подарили ему ещё и брата Иакова, он был безмерно счастлив. С одним Иаковым он играл на плоской крыше своего дома, а другого с удовольствием нянчил, помогая матери.

До пяти лет, как и полагается по Закону, Матфан находился под полной опекой матери. Она обучала его, по мере возможности, всему, что знала сама. Но и Иосиф совсем не отстранился от воспитания сына. Родители всегда старались находить понятные ответы на многочисленные вопросы мальчика, хотя порой его интересовали такие вещи, что они с трудом находили ответ. Такая пытливость Матфана, желание заглянуть в глубинную суть окружающего мира, искренне поражали Марию и Иосифа. По их мнению, задавать столь глубокомысленные вопросы ему ещё слишком рано. Но отмалчиваться, и тем более лгать, они не хотели.

Матфан рос общительным, и это позволяло ему легко находить друзей, как среди сверстников, так и среди людей значительно старше его. У своих сверстников он имел почти непререкаемый авторитет, благодаря физической силе и сообразительности, а со старшими мальчик любил беседовать на серьёзные темы. Взрослых всегда поражала его недетская сообразительность и тяга к познанию. Бывало, женщины подолгу задерживались у источника, расспрашивая Матфана о чём-то им неизвестном. Ведь для своего возраста он уже знал много такого, что неведомо было другим. Он уже повидал другие земли и даже путешествовал по морю на корабле.

Когда Матфану исполнилось пять лет, его воспитанием и обучением занялся отец, но это не значит, что Мария полностью перестала заботиться об образовании старшего сына. К этому времени она родила Мириам и, естественно, млад-

шим детям внимания уделялось больше. Иосиф обучал сына греческому языку, на котором он сам говорил очень хорошо. А учебником греческого стали священные книги, подаренные в Александрии. Во всем Назарете было всего два экземпляра Писаний на греческом, и то, что одним из них обладала семья плотника, сделало дом Иосифа местом паломничества, позволяя подраставшему Матфану знакомиться с всё новыми и новыми любителями знания и искренними правдоискателями.

Матфан часто бывал в мастерской отца и, как мог, помогал ему в работе. А ещё он любил заглядывать в гончарную мастерскую Нафана, что находилась недалеко. Его завораживало мастерство гончара. С восхищением он наблюдал, как из бесформенного куска глины в умелых руках мастера рождается сосуд. Нафан, видя интерес мальчика, позволял наблюдать за работой и даже не препятствовал лепить из глины фигурки, хотя Закон запрещал евреям заниматься скульптурой и живописью. Мальчик брал куски глины домой и там продолжал своё увлечение. Родители, а особенно Иосиф, не одобряли подобного развлечения старшего сына, но категорично запретить ему заниматься лепкой не хотели.

Однажды в гончарной мастерской произошёл курьёзный случай. Матфан решил похвастаться перед друзьями своими успехами в скульптуре и придумал некую хитрость. Устроив ловушку в саду, он поймал небольшую птичку. Принёс из мастерской Нафана сырую глину и облепил несчастную

птаху, оставив только дырочки для дыхания. Дети часто бывают жестоки, так и он не понимал ещё, что причиняя страдания живому существу, совершает грех. Фигурка, вылепленная по форме живой птицы, получилась очень достоверной. Матфан, обрадованный своей выдумкой, побежал хвастаться перед друзьями. Его приятели по достоинству оценили фигурку и отправились вместе с ним в мастерскую Нафана.

– А вот что у меня есть, – гордо сказал мальчик гончару и протянул в зажатых ладонях свою поделку, – я это сам сделал.

– И что же это? – снисходительно спросил Нафан.

– А вот что! – разжал ладони мальчик.

Но в этот момент птица разорвала глиняные оковы и выпорхнула из заточения. Никто не ожидал такого поворота событий, а потому все присутствовавшие застыли в изумлении. Матфан тоже растерялся, но его замешательства никто не заметил, так как все взгляды были устремлены на птаху, метавшуюся под потолком. А когда птичка выпорхнула в открытую дверь, незадачливый скульптор бросился прочь, испугавшись, что его накажут за этот обман, и тем более за нарушение запрета. Но почему-то никто его наказывать не собирался, а по городу вскоре распространился слух, что маленький мальчик оживил глиняную птицу. И этот факт подтверждали свидетели, в числе которых был и мастер Нафан.

Этот случай, возможно, и забылся бы совершенно, но тра-

гедия, произошедшая вскоре, напомнила о нём.

Матфан как-то сцепился в драке с другим мальчишкой. Сын лавочника был несколько старше и значительно сильнее. Как предводитель своей ватаги, Матфан не мог отступить и спастись бегством, а потому дрался до конца. Но силы были неравны, и он вскоре был повержен, упав в пыль базарной площади.

– Ну, что, получил? Не будешь больше задираться! – Стоял над поверженным соперником победитель. – Давай, проваливай отсюда со своими молокососами, – и пнул напоследок Матфана в зад.

Друзья помогли ему подняться. Прихрамывая и утирая кровь с лица, Матфан отошёл недалеко от места схватки. А потом резко обернулся и громко выкрикнул: «Чтоб ты сдох! Сдохнешь, сдохнешь!» – и уже распалившись, добавил грозно, – «сегодня же сдохнешь!»

Оскорблённый победитель, было, бросился вдогонку, но ватага мгновенно пустилась наутёк и затерялась среди базарной сутолоки.

Свидетелей этого случая было много и многие из них слышали угрозы маленького мальчика. Но что для них значили глупые угрозы побеждённого? Ничего. Пустые слова, брошенные в злобе. А только проклятие сбылось непостижимым образом. В этот же день сын лавочника сорвался с лестницы и ударился о каменный жёрнов головой. Смерть сына помутила рассудок лавочника, и он обвинил маленького

Матфана в колдовстве. Нашлись и свидетели, слышавшие то самое проклятие.

Вот тогда-то и припомнили оживление глиняной птицы. Эти два случая стали основой страшного обвинения. Состоялось даже некое подобие суда над Матфаном. Его родителям стоило большого труда оправдать своего сына. Не последнюю роль сыграли и деньги, вовремя заплаченные кому надо.

Иосиф после этого случая серьёзно беседовал с сыном, а тот с тех пор стал вести себя осмотрительнее. Он уже не ввязывался в сомнительные предприятия своих сверстников, да и со словами стал крайне осторожен. Матфан глубоко переживал смерть сына лавочника. Он выкрикнул проклятие от обиды, в состоянии помутнения рассудка, и теперь искренне раскаивался в этом, возомнив, что именно он был причиной трагедии.

– Папа, я больше никогда не буду драться, – обещал сын.

– Это очень хорошо, сын мой, что ты понял свою вину. Драться можно только в крайнем случае, когда тебе или твоим близким грозит опасность, когда остановить врага словом уже нет возможности. Но слово порою сильнее кулака. Ты поймёшь это с возрастом, потому и слова свои нужно держать в узде, – увещевал Иосиф.

– Обещаю, папа, что и за своими словами я тоже буду следить строго, – серьёзно произнёс мальчик.

На какое-то время мальчик замкнулся в себе. Мария за-

метила странную привычку, появившуюся у сына. Он ночами лежал на крыше дома и разглядывал звёзды в ночном небе, в то время как всем добропорядочным евреям полагалось давно уже спать. Мать сильно переживала за сына и стала уделять ему больше внимания. Она учила его разбираться в лозах и цветах, росших по периметру участка, и ухаживать за ними. Кроме того, она приспособила на крыше, служившей летней спальней, мелкие ящики с песком, в которых Матфан чертил карты и которые часто использовал для своих ранних упражнений в письме. Теперь он чаще оставался дома, помогая матери по хозяйству, или с большой нежностью ухаживал за младшими детьми. Замкнутость старшего сына беспокоила Марию, но приезд гостей благотворно способствовал нормализации душевного состояния Матфана.

Захария и Елисавета вместе со своим сыном Иоанном посетили семейство Иосифа. Иоанн и Матфан прекрасно провели время в течение первой встречи. Хотя гости пробыли в Назарете лишь несколько дней, родители успели обговорить многие вещи, включая планы на будущее для своих сыновей. Тогда-то Елисавета и открылась Марии, что это она внушила своему мужу мысль об избранности их сыновей. Якобы именно Матфану суждено стать обещанным мессией, спасителем еврейского народа. Но теперь она совершенно искренне раскаивалась в своей глупой выходке, ибо понимала, что тем самым навлекла на маленького Матфана гнев Ирода, и заставила семейство Иосифа скитаться, спасаясь

от смерти. Она просила у Марии прощения, на что та смиренно отвечала ей: «Если Богу было угодно такое необычное рождение моего сына, может быть, это он и внушил тебе мысль о мессианском предназначении Матфана».

Пока родители были заняты своими взрослыми делами, мальчишки играли в песке на крыше дома и предавались всевозможным мальчишеским забавам.

Познакомившись с Иоанном, Матфан начал проявлять необычайный интерес к истории Израиля и подробно расспрашивать о смысле субботних ритуалов, проповедей в синагоге и периодических праздников поминовения. Иоанн объяснял ему значение всех этих празднеств, ведь он был сыном священника и с малых лет приучался к пониманию религиозных обычаев. Впоследствии Иосиф отвечал на вопросы сына, на которые не смог ответить Иоанн.

Незадолго до семилетия Матфана, появился на свет его брат Иосиф, которому он был так же несказанно рад, как подраставшим Иакову и Мириам.

А ещё через два месяца пришло время, когда еврейские дети начинали обучение в школе при синагоге. Аарон, хазан местной синагоги, с подозрением отнёсся к новому ученику, помня недавние его неприятности. Но постепенно подозрения улетучились. Матфан вёл себя совершенно пристойно, отличаясь от других детей, разве что, бóльшими познаниями и повышенным любопытством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.